

О. Холмская

Пушкин и переводческие дискуссии пушкинской поры

Мастерство перевода. *Сборник статей*

М., Советский писатель, 1959

[OCR Бычков М.Н.](#)

Для первой трети XIX века характерно необыкновенное оживление интереса к теоретическим вопросам художественного перевода. Журналы тех лет изобилуют статьями и заметками о вышедших переводах; сами переводчики нередко предпосылают своим работам предисловия, в которых, полемизируя с противниками, определяют свою собственную позицию. Впервые, быть может, в русской печати с такой отчетливостью намечаются те проблемы, которые и в наши дни не перестают волновать переводческую мысль: вопрос о точности или, по выражению Пушкина, верности художественного перевода, о передаче просодической формы подлинника, о переводе стертой метафоры и идиомы, о сохранении национального колорита.

Вокруг некоторых переводов разгораются жаркие споры, и самая острота этих споров указывает на то, что проблемы, в них затронутые, представляли для современников не только профессиональный интерес, но были тесно связаны с жизнью эпохи. Своего рода завершением этих споров можно считать статью Пушкина "О Мильтоне и Шатобриановом переводе "Потерянного Рая", написанную им в 1836 году и вышедшую уже после его смерти, в 1837 году. Эта статья широко у нас известна и неоднократно цитировалась в советских работах по теории и истории художественного перевода, но она приобретает особый интерес, если рассматривать ее в связи с протекавшими в предыдущие десятилетия переводческими дискуссиями. Поэтому для нас становятся важными и ценными все, даже самые беглые и отрывочные, высказывания Пушкина о переводе, рассеянные в его статьях, письмах и черновых заметках. Являясь откликами на те или иные события в области художественного перевода и раскрывая отношение к ним самого Пушкина, они с особой живостью воскрешают перед нами литературную жизнь эпохи и помогают проследить ту эволюцию во взглядах на художественный перевод, которая находила отражение в журнальной полемике и которую Пушкин в известной мере пытался подытожить в уже упомянутой статье о переводе "Потерянного рая".

Если обратиться к рассмотрению теоретических дискуссий, происходивших при жизни Пушкина и привлекавших его внимание, то здесь следует отметить четыре узловых момента: полемику по поводу переводов Бюргеровой "Леноры", полемику об октаве, выход в свет "Илиады" в переводе Гнедича, с его предисловием, выход в свет "Адольфа" Бенжамена Констана в переводе П. А. Вяземского с его же предисловием.

Первой по времени была полемика по поводу переводов Бюргеровой "Леноры". Посмотрим, на каком фоне она разворачивалась, за что и против чего, собственно, шла борьба. В одной из ранних статей Пушкина ("Мои замечания об русском театре", 1820) имеется следующая фраза: "Должно ли укрываться в чухонскую деревню {Гнедич поместил статью о переводах Бюргеровой "Леноры" без подписи, с указанием только местопребывания автора: "СПб губерния, деревня Тентелево".}, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою?" В этой беглой, мимоходом оброненной, фразе, в сущности, затронут важный вопрос, который мог стать - но не стал - краеугольным камнем развернувшейся в 1816 году полемики: вопрос о передаче при переводе национального колорита подлинника и о неудовлетворительности с этой точки зрения обоих вышедших переводов "Леноры". Эта проблема и не могла быть тогда поставлена в чистом виде, и в дальнейшем еще долгие годы разворачивались споры вокруг других моментов, лишь частично с нею связанных. Но заслуживает внимания, что для Пушкина даже в тот ранний период эта проблема была уже ощутима.

История вопроса такова. В 1808 году Жуковский перевел нашумевшую балладу Бюргера "Ленора", представлявшую собой, так сказать, квинтэссенцию романтизма. Этот перевод, "неверный и прелестный", по позднейшему отзыву Пушкина, был сделан согласно господствовавшим тогда законам перевода-подражания. Ленора превратилась в Людмилу, строго строфическое деление оригинала (ямбические восьмистишия) - в непрерывную низь хореических куплетов, причем случалось, что одна строфа сжималась до четырех стихов, другая растягивалась до восемнадцати.

Встречаются в переводе Жуковского и вставки, не имеющие никакого соответствия в подлиннике, картины природы, действительно прелестные, но сделанные целиком в духе Жуковского, а никак не